

Грузинское направление внешней политики России: негативный сценарий

А.А. Сушенцов

Адаптация системы оценки национальных интересов Российской Федерации по участию в международных конфликтах низкой интенсивности и конфликтах асимметричного типа особенно актуальна применительно к политике России на пространстве Южного Кавказа. Смена правящей элиты в Грузии расширяет пространство для диалога с Тбилиси, однако основная тенденция внешнеполитической ориентации Грузии на евроатлантическую интеграцию, судя по всему, останется неизменной. В силу того, что «политическое наследство» правительства Саакашвили продолжает оказывать влияние на грузинскую политику, разумно обратиться к вопросу о возможной стратегии не прямых действий Москвы по завоеванию симпатий грузинского общества и торможению «атлантической» тенденции «снизу».

На протяжении девяти лет пребывания у власти правительство М. Саакашвили проводило в Грузии радикальный модернизационный эксперимент на основе либертарианского понимания роли государства в экономике страны. При этом участие государства в организации жизни общества многократно возросло. Стремясь к глубокому преобразованию основ государства и общества Грузии, «модернизаторы» стремились создать условия, в которых их власть не оспаривалась бы оппозицией. Для реализации этой задачи грузинской элитой была выбрана стратегия «отбрасывания советского наследия». Лозунг «что угодно, только не Россия» находил поддержку среди образованного населения крупных городов и на определенное время стал символом государственной политики при нейтральной реакции сельского населения. Иссякание ресурса международной поддержки режиму Саакашвили вкупе с возрастанием недовольства широких масс населения стагниру-

ющим уровнем доходов стимулировало процесс пересмотра ключевой идеи последних лет политической жизни Грузии и прихода к власти оппозиционной коалиции «Грузинская мечта».

На протяжении последних 20 лет в Грузии постоянно репродуцировались основные черты политической системы, ключевой из которых следует назвать приверженность политическому радикализму. Специфика модернизационного эксперимента правительства М. Саакашвили состояла в полном подчинении правительству всех ветвей власти де-факто. По распространённому среди грузинских аналитиков мнению, после «революции роз» в Грузии происходила «авторитарная модернизация»¹.

В правление Саакашвили либертарианские мотивы в экономической политике страны сочетались с жестким контролем исполнительной власти над инициативами в сфере социальной и культурной жизни Грузии. Социокультурный эксперимент по воспитанию следующего

Сушенцов Андрей Андреевич – к.полит.н., преподаватель кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО(У) МИД России. E-mail: asushentsov@yandex.ru

Статья подготовлена при выполнении ПНИР по теме «Психология международного конфликта: национальные модели конфликтного поведения (на примере Российской Федерации)», проводимой в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 гг. (Государственный контракт № 16.740.11.0697 от 08 июня 2011 г.).

поколения грузин «свободными», то есть носителями западных ценностей и антироссийских убеждений, побуждало правительство проводить масштабную антироссийскую кампанию. Консолидации части общества вокруг западных ценностей способствовало укоренившееся представление об антигрузинском характере вовлеченности России в конфликты в Южной Осетии и Абхазии. Поэтому среди сторонников «Единого национального движения» (ЕНД) было распространено убеждение в том, что «Грузии повезло с внешними врагами».

Заметной чертой правительства ЕНД был его намеренный разрыв с традицией государственной власти в Грузии и на Кавказе в целом. В кабинете министров не было чиновников старше президента Саакашвили. Большинство членов правительства было социализировано в контексте западных ценностей – их учеба или значительная часть профессиональной биографии проходили за рубежом. Сугубый прагматизм и нацеленность на результат они противопоставляли традиционной грузинской созерцательности². Высокая самооценка элиты вокруг Саакашвили строилась на идеологической солидарности и высоком командном духе. Деятели «Единого национального движения» без стеснения хвалились тем, что их правительство «компактное, мобильное и в отдельных вопросах очень искусное»³.

Формированию этой общности также способствовали тенденции в сфере финансирования НКО в Грузии в 1990-х гг. До 1998 г. зарубежная финансовая помощь в объеме до 100 млн долл. со стороны иностранных государств и международных фондов ежегодно направлялась правительству Грузии. На рубеже 1998–1999 гг. на фоне разочарования Запада в президенте Э. Шеварднадзе приоритеты финансирования были изменены и взят курс на финансирование третьего сектора⁴. По наблюдениям активистов грузинских некоммерческих организаций в период с 1998 по 2003 г., все грузинские НКО финансировались из-за рубежа. В ходе смены власти в 2003 г. большинство специалистов перешло из НКО в правительство; одновременно изменились приоритеты иностранной финансовой помощи. Это привело к общему ослаблению третьего сектора в Грузии.

Одно из ключевых мест в структуре правительства «Единого национального движения» занимало Министерство по европейской и евроатлантической интеграции. По сути, это ведомство занималось адаптацией стандартов государственных реформ по образцу американской либеральной демократии для Грузии. Оно же было ответственно за выполнение полученного от менторов «домашнего задания». Именно оно зачастую вводило Запад в заблуждение, создавая видимость успеха на пути Грузии к демократии.

Инструментом в этом смысле выступает обладание правительством политической инициативой во внутренней политике и доминиро-

вание в информационном пространстве. Многие правительственные чиновники рассуждали как опытные в конкурентной политике политтехнологи: «200 – 300 человек создает общественное мнение по отдельному вопросу в Грузии», «в конце концов, главный вопрос – о восприятии».

По статистике, около 80% грузин получали информацию посредством ТВ, при этом все три главных телеканала контролировались правительством. Массированная пропагандистская кампания, основанная на полуправдивой информации, формировала высокий рейтинг поддержки обществом членства Грузии в НАТО, но не давала твердого понимания смысла и цели этого процесса⁵. По мнению оппозиционных политиков, правительство Саакашвили создало в сознании граждан «виртуальную Грузию»⁶.

Примитивная политика по «демонизации» образа России стала основой и приоритетом пропаганды во внешней и внутренней политике Грузии («одна проблема – Россия и Путин», «проекты Кремля – Окруашвили, Бурджанадзе, Жвания, Иванишвили» и др.)⁷. По ряду причин этот образ до сих пор хорошо принимался как внутри страны, так и в мире. Так, доверие граждан к антироссийской пропаганде правительства было следствием тех ограничительных мер России против правительства М. Саакашвили, от которых страдало наибольшее число грузин (визовый режим, закрытие рынков труда и с/х продукции). Однако, как показали события сентября 2012 г. вокруг Гданской тюрьмы, подобная неадекватная картина реальности приводит к завышенной самооценке, взвинченности ожиданий общества от власти и сильным колебаниям общественных настроений (в том числе международной общественности), связанных с неспособностью власти соответствовать этим ожиданиям.

Анализ публичных выступлений членов кабинета министров Грузии в правление М. Саакашвили позволяет сделать заключения о следующих характерных чертах их подхода к проблемам вне «атлантической» проблематики:

- глубокое недоверие к официальной политике России, вплоть до предубеждения: «В Грузии Россия проводит эксперимент по возвращению сфер влияния»;

- позиция РФ анализируется по косвенным признакам на основе умышленно или бессознательно искаженных фактов, при этом министры политических ведомств стремятся предложить собственные трактовки событий, выступая как ангажированные эксперты,

- в публичной риторике министров правительства велика доля самоуверенности, стремления верить в то, что неправдоподобно даже при самой благосклонной оценке: «Процесс вступления Грузии в НАТО необратим как со стороны Грузии, так и со стороны НАТО»;

- сознательно искаженное представление об истории Грузии и общей истории с Россией на основе перенесения на прошлое моделей сов-

■ Международные отношения

ременной либеральной демократии. Так, предлагается опустить вопрос о доле вины Грузии в развязывании конфликтов в Южной Осетии и Абхазии на том основании, что «отказываться от интеграции с Грузией неразумно со стороны Цхинвали и Сухуми».

Подобный некритичный подход заслонял от членов правительства истоки стоящих перед ними проблем и тем препятствовал их решению. Среди «трудных» для восприятия оставались следующие факты и процессы:

1. Социализация Грузии в современном европейском контексте исторически проходила путем заимствования из России.

2. Радикализм государственного эксперимента ЕНД и разрыв с традицией объективно ослабляли чувство региональной идентичности и кавказской общности у грузин, делая Грузию чужеродной для кавказских государств.

3. Глубина государственных преобразований не сопровождалась долгосрочным планированием приоритетов развития. Предельной либерализации всех сфер отдается предпочтение перед стратегическим планированием⁸. Складывающаяся модель «государственно-туристического бизнеса» способствовала размыванию остатков грузинского научного и промышленного потенциала.

4. Предвыборная ситуация осени 2012 г. с остротой указала на формирование раскола внутри образованной городской элиты относительно целей развития страны. Это побудило правительство Саакашвили работать на ослабление гражданского общества и третьего сектора, сокращая пространство реализации гражданских свобод.

5. Разрыв в ценностях между элитой и широкими слоями городского и сельского населения обострил противостояние городских элит. Занятое в сельском хозяйстве население страны (около 55%) не являлось приобретателями благ от экономической политики правительства; ВВП на душу населения в Грузии с 2003 года⁹ вырос незначительно.

Специфика грузинской внешней политики

Неадекватная оценка внешней среды и доступных для реализации внешнеполитических целей ресурсов ставила дипломатию Саакашвили в тупик. По сути, Грузия не имела различимых стратегических целей за исключением «европейской и евроатлантической интеграции». Есть основания полагать, что ослабление внешнего поощрения правительства со стороны Запада приведет к постепенному отходу Тбилиси от антироссийских позиций.

Заметно, что институционально государственная структура Грузии развернута в сторону Запада: в МИДе нет департамента по России, которая «растворена» в департаменте по делам СНГ. При словесной готовности к восстановлению дипотношений с Россией, и даже надежде

на это, грузинское руководство не понимало, как этого добиться. Отталкиваясь от тезиса о том, что «из России поступают противоречивые сигналы», правительство приходило к парадоксальному выводу о том, что «для упорядочения отношений с Россией требуется вступление в НАТО»¹⁰.

На фоне неудач на российском направлении главной заявленной целью политики Грузии в правление ЕНД оставалась «демократическая миссия» на Кавказе и в СНГ в целом. Так, стратегическое партнерство с Азербайджаном в МИД Грузии увязывали с тем, что на Западе якобы воспринимали Баку в «одном проекте» с Тбилиси. Таким образом, итоги евроатлантического процесса для Грузии – по мысли Тбилиси – могут быть в перспективе перенесены на Азербайджан.

Высокая зависимость оценок грузинской дипломатии от мнения западных партнеров делало позиции правительства уязвимыми. Особенно болезненно в ЕНД реагировали на невнимание со стороны Запада или прямую критику грузинских властей. На протяжении 22 месяцев после грузино-югоосетинского конфликта 2008 г. президента М. Саакашвили не принимали лидеры европейских государств. В контексте скандала вокруг Глданской тюрьмы неуспех сопутствовал усилиям администрации президента Грузии в организации двусторонних встреч с лидерами крупных иностранных держав в ходе заседания 67-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН¹¹. Эти и подобные неудачи действовали отрезвляюще на широкие круги в «Едином национальном движении» и оппозиции.

По сути, грузинская дипломатия утратила главный навык – способность к ведению переговоров, ограничиваясь ролями просителя или скандалиста. Члены кабинета министров ЕНД уделяли необыкновенно большое внимание тому обстоятельству, что короткие американо-грузинские переговоры по второстепенному вопросу обычно проходили в духе «легкой светской беседы», что выгодно выделяло их на фоне напряженного характера российско-грузинского процесса.

Переговорная тактика грузинской делегации зачастую состояла во внедрении в процесс наблюдателей со стороны США или ЕС и стремлении использовать давление с их стороны для принуждения партнера принять условия Грузии. При этом от внимания Тбилиси укрылось то обстоятельство, что наблюдательная миссия не гарантирует глубокой вовлеченности западных государств в переговорный процесс. Признавая правоту Грузии в конфликте с Россией, страны ЕС, по сути, дистанцировались от проблемы, отказываясь пойти дальше и добиваться от РФ уступок. И хотя в Тбилиси хвалились успехом, в действительности это политическое поражение, которое закрепляло «статус-кво». Это тревожное для официального Тбилиси обстоятельство осознавали некоторые эксперты из оппозиционных сил (в частности, П. Закареишвили)¹².

Продолжающаяся с 2006 г. обструкция переговорного процесса с правительствами Южной Осетии и Абхазии в долгосрочной перспективе также вредит интересам Грузии¹³. В среде оппонентов правительства существует убеждение, что если в течение 10 лет Тбилиси не предложит разумный проект реинтеграции, то будут созданы условия для рассмотрения международным сообществом (прежде всего в ЕС) вопроса о легализации Абхазии как части Черноморского региона.

Важным обстоятельством внешней политики Грузии в последний период правления М. Саакашвили являлось неуклонное снижение международной поддержки политического курса правительства, происходящего на фоне снижения объемов международной финансовой помощи. Многие политики на Западе осознали, что режим «карт-бланш» для ЕНД сыграл для Грузии плохую службу¹⁴. Также возникли подозрения относительно искренности инициатив Саакашвили в области демократизации, военного строительства и региональной политики. И хотя в глазах правительства Саакашвили, посол США в Грузии до последних дней являлся высшим авторитетом и арбитром в грузинских делах, все заметнее были признаки недовольства ЕНД от этого взаимодействия¹⁵.

Примечательно, что на рубеже 2011–2012 гг. в риторике президента Грузии и членов кабинета министров вновь зазвучала тема о добрососедских отношениях с Россией¹⁶. Отдельные высказывания позволяли предположить, что Тбилиси в принципе готов обсудить нейтралитет Грузии при условии предоставления гарантий безопасности от России или оговорить запрет на появление военной инфраструктуры НАТО на территории Грузии в ходе ее вступления в блок.

Потенциал влияния России на положение дел в Грузии

Современная Грузия выступает одним из проводников антироссийских инициатив на постсоветском пространстве, солидаризуясь в этом с отдельными государствами Центральной и Восточной Европы. Изменение внешнеполитического курса и отказ Тбилиси от антироссийской политики – рубежное для РФ событие в СНГ, способное оказать влияние, в том числе и на перспективы Евразийского интеграционного проекта. Смена правящей элиты в Грузии расширяет пространство для политического диалога с Тбилиси, однако основная тенденция внешнеполитической ориентации Грузии на евроатлантическую интеграцию, судя по всему, останется неизменной. В силу того что «политическое наследие» правительства Саакашвили продолжает оказывать влияние на грузинскую политику, разумно обратиться к вопросу о возможной стратегии не прямых действий Москвы по завоеванию симпатий грузинского общества и торможению «атлантической» тенденции «снизу».

Россия продолжает объективно оставаться единственным государством, которое способно дать адекватный ответ на долгосрочные угрозы безопасности Грузии и тем самым заглушить существующее по сей день в Тбилиси «ощущение беспризорности» перед мусульманскими странами-соседями. Однако в текущий момент даже открытая к поиску новых политических возможностей оппозиция жалуется на то, что Россия не предлагает никакой привлекательной альтернативы. Знаковым, но не жизненно важным считается прогресс в вопросе об урегулировании в Южной Осетии и Абхазии. Основную разницу в политике ЕС и России по отношению к Грузии усматривают в том, что Москва использует слабости грузинской политики и играет на них, а Брюссель требует улучшения политики от самой Грузии¹⁷.

Серьезным препятствием для сближения является глубоко укоренившееся в грузинском обществе представление о злонамеренном вмешательстве России в дела Грузии путем использования конфликтов в Южной Осетии и Абхазии. Тбилисские интеллектуалы широко цитируют якобы подготовленные по заказу МИД РФ в 1997 г. предложения К. Затулина и А. Миграняна по управлению постсоветским пространством путем манипулирования конфликтами на территории стран СНГ: «Смена приоритетов даст России повод ревизовать всю существующую систему договоренностей по территориальному размежеванию республик после распада СССР, игнорировать применительно к ним принцип территориальной целостности и поставить вопрос о переделе этого пространства на основе права наций на самоопределение»¹⁸. Подливают масла в огонь последствия ограничительных мер Правительства РФ по отношению к Грузии, результатами которых оказались охвачены широкие слои грузин (закрытие рынков труда и с/х продукции, визовый режим) или которые носили унижительный или негативно-символический характер (ущемление прав грузин в России, депортации). На данном этапе антироссийские убеждения не приняли необратимый характер даже у либеральной части грузинского общества, однако недооценивать перспективу этого процесса нельзя. По опросам общественного мнения последних лет, около 60–70% грузин выступает за улучшение отношений с Россией.

Стратегия России по завоеванию «умов и сердец» в Грузии в обход официального Тбилиси может состоять в давно ожидаемом грузинами смягчении визового режима и реализации других мер «широкого охвата», на фоне политики вовлечения во взаимодействие грузинских интеллектуалов.

1. Наибольший потенциал действия заметен по линии взаимодействия Русской и Грузинской православных церквей. До 80% грузин – верующие люди, придерживаются антизападных и антилиберальных ценностей. И хотя высокий авторитет церкви не транслируется в социальную

■ Международные отношения

динамику, даже символические жесты на этом направлении (например, участие грузинского церковного хора в пасхальном богослужении в храме Христа Спасителя) вызывает волну продолжительного одобрения.

2. Существующий по отношению к Грузии визовый режим со стороны России приносит много вреда образу нашей страны в Грузии. В силу малой пропускной способности секции российских интересов при посольстве Швейцарии в Тбилиси процесс получения визы крайне затруднен. Встречаются и такие суждения: «Нет ничего более унижительного, чем процедура получения российской визы». Особенное неодобрение вызывает отказ в выдаче визы или затягивание процедуры при оформлении визы для духовных лиц. Так, митрополит Боржомский и Бакурианский Серафим, посетивший Россию в сентябре 2012 г. с группой паломников, ожидал виз более года, при этом большая часть паломников не смогла сопровождать его в поездке¹⁹.

3. Получение визы становится непреодолимым препятствием при совершении туристических поездок в Россию. По нашим наблюдениям, путешествующая тбилисская молодежь в 6–8 раз чаще бывает в Европе и США, чем в России. Это оставляет молодых людей безоружными перед грузинской официальной пропагандой, намеренно искажающей информацию о положении в РФ.

4. Получение образования в России вновь должно стать одной из реальных возможностей для грузинских абитуриентов. Текущая образовательная политика Тбилиси направлена на формирование «нового грузина» – англоговорящего носителя западных ценностей²⁰. При всей эфемерности этой задачи грузинская молодежь отправляется на учебу в Европу и США часто не имея российской альтернативы. При этом российский рынок образования продолжает оставаться высокоостребованным среди грузин. Облегчение визового режима для студентов и проведение образовательной выставки в Тбилиси один раз в год способно в перспективе дать часть грузинской элиты, которая будет социализирована в российском контексте. Программой-максимум было бы открытие в Тбилиси, Кутаиси

и других городах Грузии Центров российской культуры, а также инициация программы грантовых исследований в России для грузинской интеллигенции.

При рассмотрении вопроса об облегчении или отмене визового режима не обязательно добиваться заключения симметричного соглашения с Грузией. Следует учитывать, что политика правительства Саакашвили в частности была направлена на ограничение контактов грузинских граждан с Россией²¹. Вышеуказанные меры находятся прежде всего в интересах России; их реализация не должна зависеть от позиции грузинских властей. В борьбе за общественные симпатии важен не статус этой программы, а общее владение инициативой и стремление к управлению процессом.

Следует учитывать, что существующий опыт деятельности РФ на этом направлении в Грузии не был удачен. Мероприятия Посольства России в Грузии не ставили целью формировать симпатии широких масс грузин к России. В 2005–2006 гг. наблюдались попытки создания про-российских НПО по образцу западных фондов (Кавказский институт), однако этим усилиям не хватало последовательности. Наконец, нельзя допустить подмены приоритетов российской политики по отношению к Грузии вопросами отношений с Абхазией и Южной Осетией. Грузинское направление, по крайней мере гуманитарной политики, должно получить самостоятельное внимание.

Suchentsov A.A. Georgian Direction of Russian Foreign Policy: Negative Scenario.

Summary: *Correction of the assessments of Russian national interests in international low intensity conflicts is particularly relevant with regard to Russian policy in the the South Caucasus. Replacement of the ruling elites in Georgia expands the space for dialogue with Tbilisi, but the main trend in the foreign policy orientation of Georgia's - Euro-Atlantic integration - seems to remain unchanged. Due to the fact that "political legacy" of Saakashvili's government continues to influence Georgia's policy it is reasonable to refer to the possible strategy of indirect actions of Russia to win sympathies of the Georgian society and inhibit the "Atlantic" tendency "from below".*

Ключевые слова

Внешняя политика России, национальные интересы, внутренняя политика Грузии.

Keywords

Russian foreign policy, national interests, Georgian politics.

Примечания

1. Нодиа Г. Авторитарная модернизация-лайт или демократические институты // Газета «24 саати». 2 мая 2006 г.
2. De Waal Th. A Crucial Election in Georgia // Carnegie Endowment for international Peace. September 2012. URL: <http://carnegieendowment.org/2012/09/11/crucial-election-in-georgia/drlp> (дата обращения: 17.09.12)
3. De Waal Th. Georgia's Choices. Charting a Future in Uncertain Times. N.Y.: Carnegie Endowment for international Peace, 2011. URL: http://carnegieendowment.org/files/georgias_choices.pdf (дата обращения: 23.04.12)
4. Hamilton K. Constructing an NGO Sector in Transitional Contexts: The Reach of NGO-Donor 'Partnerships' in Post-Soviet Georgia // IDS Bulletin. Volume 31, Issue 3. July 2000. Pp. 48–56.
5. Метревели Л., Рцхиладзе Г. Грузинский опрос: Рейтинги политических партий и отношение населения к НАТО // Политфорум. Институт Евразии. 25 сентября 2012. URL: <http://geurasia.org/rus/1305/qartuli-gamokitxva--politikuri-partiebis-reitingi-da-mosaxleobis-damokidebuleba-nato-sadmi.html> (дата обращения: 26.09.12).
6. Обращение Бидзины Иванишвили к политикам, СМИ, общественности // Новости-Грузия. 10 октября 2011. URL: <http://www.newsgeorgia.ru/politics/20111012/214234359.html> (дата обращения: 17.05.2012).
7. Вигнанский М. Нугзар Циклаури: В отношениях России и Грузии пока нет выхода // Известия. 27 сентября 2012. URL: <http://izvestia.ru/news/536288> (дата обращения: 27.09.12).
8. Secire M. Georgia: dark side of Rose Revolution // Financial Times. September 3, 2012. URL: <http://blogs.ft.com/beyond-brics/2012/09/03/georgia-dark-side-of-rose-revolution/#axzz25QsoXwll> (дата обращения: 3.10.12).
9. Фрумкин Б. Перспективы международного позиционирования экономики Грузии: взгляд из Москвы // Россия и Грузия: в поисках выхода. Грузинский фонд стратегических и международных исследований. 2011. С. 69-83.
10. Мазаева Д. Внутри новой команды Иванишвили отсутствует консенсус // Известия. 9 октября 2012. URL: <http://izvestia.ru/news/537181> (дата обращения: 9.10.2012).
11. Главу МВД Грузии Бачо Ахалая могут арестовать // GHN News Agency. 20 сентября 2012. URL: <http://www.rus.ghn.ge/news-23141.html> (дата обращения: 22.09.12).
12. Кмузов Б. Гоголашвили: США воплощают в жизнь свое намерение принять в НАТО Грузию // Кавказский узел. 13 марта 2012. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/202944> (дата обращения: 13.07.12).
13. Кмузов Б. Закареишвили: выборы в парламент Абхазии не повлияют на ее политику в отношении Грузии // Кавказский узел. 13 марта 2012. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/202904/> (дата обращения: 13.07.12).
14. Вигнанский М. Тедо Джапаридзе: Грузия не должна быть яблоком раздора между Западом и Россией // Известия. 26 сентября 2012. URL: <http://izvestia.ru/news/536213> (дата обращения: 26.09.12).
15. The Situation of Human Rights and Freedoms in Georgia. Annual Report of the Public Defender of Georgia. 2011. URL: <http://www.ombudsman.ge/files/downloads/en/hcqkqyhblwldxsaqiwg.pdf> (дата обращения: 5.09.12).
16. Грузия не собирается в долгосрочном плане враждовать с Россией – Саакашвили // Новости-Грузия. 25 февраля 2011. URL: <http://newsgeorgia.ru/politics/20110225/213749342.html> (дата обращения: 17.05.2012).
17. Weisensee J. Measuring European Foreign Policy Impact. The EU and the Georgia Crisis of 2008 // College of Europe EU Diplomacy Paper 9/2010. [Working Paper]. URL: <http://aei.pitt.edu/14897/> (дата обращения: 7.09.12).
18. Затулин К.Ф., Мигранян А.М. СНГ: начало или конец истории. К смене вех // Независимая газета. Содружество. 26 марта 1997. URL: <http://www.zatulin.ru/index.php?§ion=digest&id=35> (дата обращения: 17.08.12).
19. Прутцков Г. Застольный разговор с грузинским архиереем // Татьяна день. 10 сентября 2012. URL: <http://www.taday.ru/text/1804064.html> (дата обращения: 18.09.12).
20. Пхаладзе Т., Силаев Н. Российско-грузинские отношения в контексте европейской безопасности // Россия и Грузия: в поисках выхода. Грузинский фонд стратегических и международных исследований. 2011. С. 7-24.
21. Gardner A. Enigmatic oligarch // European Voice. September 13, 2012. URL: <http://www.europeanvoice.com/article/imported/enigmatic-oligarch/75123.aspx> (дата обращения: 8.09.12).